

МАРИНА ТЕНА ТЕНА

ВОЛКИ

— И —

БОГИ

© Text: Marina Tena, 2024
Represented by Tormenta
www.tormentalibros.com

Design of cover and inside images:
Javier Araguz

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

МАРИНА ТЕНА ТЕНА

ВОЛКИ

— И —

БОГИ

NO SUGAR
BOOKS

Москва
2024

СЕЛЕНА

МАГИЯ

I. ЗВЕЗДА

Тонкая ниточка золотого света вьется из рук Эльвы. Она прядет — превращает клятвы в клубки драгоценной пряжи. Особый дар: никто из богов больше не умеет такого. Эльва опутывает тонким золотом мои запястья, и я изо всех сил делаю вид, что мне хорошо. По правде говоря, я ненавижу помогать этой пряже. Но мне есть ради чего терпеть. Я терплю, потому что хочу нарушить закон Рея, нашего главного бога, бога богов, бога-короля. «Никто из нас, членов Совета Восьмерых, не имеет права ни просить за смертных, ни снова ходить по земле», — так звучит закон. Но Эльва снова и снова оборачивает нить вокруг моих рук и говорит, что я могу вернуться на землю. «Ты можешь вернуться, — говорит она. — Но пока ты среди них, ты будешь смертна, как и они. К тому же силы твои будут ограничены, и попасть назад ты сможешь только тогда, когда умрет последний из твоих оборотней. Ты уверена, что хочешь этого?» — спрашивает она. Я киваю и крепче сжимаю золотую нить, которой теперь связано мое обещание.

И почему только Эльва попала в Совет Восьмерых? Она глупая девчонка и лишь наполовину богиня. У нее круглые глаза, золотистые волосы, а на лице большую часть времени такое выражение, будто она не пони-

мает, что происходит. Я терпеть ее не могу, но что поделаешь, если она — единственная, кто способен помочь мне нарушить закон ее отца. И кто готов это сделать.

— Это все из-за Сала? — спрашивает она, и в этот момент мне хочется вырвать ей язык, вонзить ногти в ее белую нежную кожу и царапать, царапать до тех пор, пока не доберусь до костей.

— Конечно из-за Сала, — цезу я сквозь зубы.

— Но оборотни ведь никогда не причиняли вреда твоему брату!

— Нет, они просто позволили ему умереть, вот и все. Я создала их для защиты, а они даже не пошевелились! И теперь они заслуживают наказания.

Я знаю, что на самом деле во всем виноваты люди, но я не могу их наказать. Они — наши тени, одетые в неуклюжую плоть. Избалованные существа Рея. А мой брат... Он был богом жизни и вольности. Главой порядка и мудрости. Люди были его любимцами. Он дал им оружие, правила и благословил на чудеса и на ужасы.

То, что люди переубивали всех существ, которых любил Сал, Рея мало тревожило. Мало того: он еще и на нас наложил запрет — запретил нам использовать свои силы против людей. Так они размножились и поглощали дикие земли, оставляя после себя только вред и горе. Оказалось, что они, эти нелепые тени, куда более свирепые и жадные, чем любое другое существо. Не остановишь их, и они уничтожат луга и озера, сожгут леса, пожрут друг друга, и будут делать все это до тех

пор, пока от некогда прекрасного мира ничего не останется.

Я не создавала жизней, я лишь наделила волшебной силой тех существ, которые больше всего нравились моему брату. Волков, ворон и фениксов. Сама того не осознавая, тем самым я подвергла их опасности. Ведь люди всегда тянулись к волшебному и красивому. А уж если им что нравится, они это обязательно уничтожат, можно не сомневаться. Что, например, они сделали с птицами Сала, теми прекрасными птицами с переливчатыми перьями? Переубивали их всех — только за тем, чтобы украсить их перьями свои наряды. Свои дома они украшали чешуей золотых рыб. Они убили всех четверорогих оленей, этих послушных и величественных животных, которые спокойно ходили, взрая на мир своими белесыми глазами, полными мудрости. Они принесли в жертву последнего единорога и вырезали украшения из его костей.

Ужасы, которые люди сделали с любимыми созданиями моего брата, убили его. Сал всегда был очень чувствительным, слишком чувствительным, чтобы видеть такое. Он понял, что жизнь его больше не имеет смысла, и сдался. Я ненавижу его за то, что он сдался. Я любила его до безумия. И за то, что он решил позволить себе умереть, я готова сжечь все города на земле. О, если бы я могла, я бы всю землю залила кровью и заполонила бы ее людскими криками и стонами. Я бы выследила всех людей, одного за другим, и лично наказала бы каждого. Я сплела бы накидку из человеческой кожи. Я повесила бы последнего из людей на дереве у могилы моего брата, чтобы он медленно и страшно умирал.

Мои воины, те, которых я благословила, одев в волчьи шкуры, те, которым я приказала быть защитниками, не сделали ничего, чтобы предотвратить все эти ужасы. Мои главные оборотни, пятерка первых из них, никогда бы меня так не подвела. Я выбрала пятерых смертных и до сих пор горжусь каждым из них. Я плакала вместе с тремя, которые решили умереть. Тогда я предложила Рею превратить одну из женщин-оборотней в младшую богиню и согласилась взамен взять на себя наказание.

Я даже полюбила одного из них страстью смертных. Я отдала ему свое сердце и потеряла его, но все равно ни капли не жалею о том, что мы пережили вместе.

А дальше, дальше... Дальше на свет появились поколения, которых соблазнила жадность. За дары человеческих царств, за комфорт и удовольствия они готовы были платить кровью. Им разрешили охотиться на тех, кого они должны были защищать, и в них проснулась ярость. Они готовы были отчаянно мстить, если до их волков кто-то просто дотрагивался пальцем. И при этом жестоко убивали любимых созданий Сала.

Мой брат. Мой бедный брат уже давно не отвечает на мои призывы. Он отдался темным недрам земли.

Я крепко хватаюсь за нить золотого света, которой связывает меня Эльва, и спускаюсь на землю. Клянусь, когда я буду покидать ее, я заберу с собой луну. Я не оставляю ее тем, кто так подвел меня, не позволю магии им помогать.

Да, я обещаю: вернусь только тогда, когда умрет последний оборотень.

Эльва кивает. Все вокруг заливают свет. Золотой огонь окутывает меня, и, утопая в нем, я как падающая звезда лечу на землю. Небеса трещат: это предупреждение богов. Меня видят, за мной наблюдают. Но я не думаю об этом... Мой полет длится недолго, но я знаю, что он опасен и может сломать меня. Впрочем, чтобы убить богиню, даже в человеческом облике, нужно нечто большее.

И вот я уже стою босиком на земле, мое тело хрупкое, мои волосы распущены, а сердце полно ненависти к тем, кого я когда-то любила. Пусть же теперь они увидят, как мне больно, пусть потеряют силу, которой больше недостойны, и пусть умрут.

Кажется, я забыла представиться. Я — Селена, богиня луны, член божественного Совета Восемьерых. Сал был моим любимым братом. И я сделаю все, чтобы отомстить за него.

СЬЕРРА

Когда Сьерра вернулась с охоты, Ветерка в хижине не было. Волчица фыркнула и стиснула зубы. Она уже не удивлялась тому, как изобретательна была ее сестра в своем умении найти очередной способ вывести ее из себя. Не добьешься, сестренка, не в этот раз. Сьерра подняла голову и принялась к запаху скромного жилища, которое они делили на двоих. Судя по всему, Ветерок ушла довольно давно. Сьерра села и вытянула шею вверх, как если бы собиралась завывать. Но она не завывала. Вместо этого произошло кое-что другое. Серовато-рыжеватые волосы на ее теле поредели, сначала немного, потом еще и еще, и вот уже под ними обнажилась мягкая загорелая кожа. Ноги удлинились. На животе показался выпуклый пупок, к нему от самых ребер протянулся длинный шрам. Сьерра сняла волчью шкуру и оказалась девушкой. Брови ее были нахмурены, а руки проворны. На этот раз обращение заняло больше времени, чем обычно, позвоночник пронзила боль, такая острая, что Сьерра невольно охнула. Она открыла корзину, в которой хранила свою одежду, и надела одно из коротких свободных платьев, которые носила в человеческом обличье. Села на койку, чтобы

надеть ботинки, проклиная про себя эту девчонку и ее вечное желание нарушать правила. Они никогда не были очень близки, даже в раннем детстве. А когда Сьерра стала подростком, Ветерок уже настолько бесила ее, что иногда ей хотелось кричать от раздражения. Тогда их отцу приходилось вставать между дочерьми, чтобы они не подрались.

Он брал Сьерру за запястья и продолжал держать до тех пор, пока та не переставала трястись от гнева.

«Держи себя в руках, зверь», — говорил ей отец. Он учил ее многим вещам. Объяснял, как правильно дышать, как растопыривать пальцы, следя за ногтями, чтобы они не вытягивались и не загибались, превращаясь в когти. Учил сдерживать ярость и рассказывал, как оставаться человеком, даже если это причиняет боль. Обычно после таких уроков он смеялся. Смеялся и обнимал ее грубо и горячо, от души.

Сьерра поджала губы и простояла так несколько секунд. Мысль о том, что отца больше нет рядом, вызывала острую боль. Открытая рана на сердце еще не зажила.

Сьерре всегда было трудно держать свой гнев под контролем. У большинства ликантропов были человеческие предки, у некоторых даже родители были людьми. Смешения кровей и культур привело к тому, что племя оборотней все активнее использовало человеческий язык и перенимало многие людские обычаи и привычки. Сьерра отличалась от своих братьев тем, что не носила в себе человеческой крови. Она произошла от оборотней и волков: это делало ее более выносливой, но и более дикой. Иногда у нее возникало ощущение, что ее чувства слишком сильны и слишком быстро сменяют друг друга, чтобы она могла понять их, а уж тем более контролировать.

Ярость была самым надежным из всех. Она помогла ей стать более жесткой и одновременно закрыла ее от всего, что заставляло ощущать себя уязвимо или некомфортно. Ярость помогала Сьерре жить. Но даже с ее помощью она не могла заставить себя уйти от сестры.

Ветерок зависела от нее. От этой мысли в желудке Сьерры запыльхало — гнев всегда давал о себе знать именно так. Она фыркнула и решительно встала на ноги, намереваясь распрощаться с грустными мыслями. Если бы от печали можно было избавиться, как от дорожной пыли, которая забивается в кожу, она взяла бы тряпку и терла бы себя до тех пор, пока ее собственный запах бы не улетучился. После этого она бы подожгла бы эту тряпку со всей грустью, которая в нее впиталась, а пепел сбросила бы в самый глубокий колодец на свете.

Но Сьерра не могла так сделать, поэтому лучшим способом справиться с печалью было просто перестать обращать на нее внимание. А для этого нужно было, во-первых, выйти из хижины. Сьерра решительно встала и вышла на улицу. Она осмотрела деревню. От закатного света тени от деревьев стали длинными, а сами они зазолотились так ярко, будто кто-то поджег их кроны. В стае уже готовились к ужину. Одни разжигали костер, другие приводили в порядок шкуры. Кто-то занимался повреждениями, нанесенными последней бурей.

В деревне царил тяжелая атмосфера. Воздух сгустился. Люди, которых она привыкла видеть энергичными и уверенными, были не похожи сами на себя. Они согнули спины и ссутулили плечи. Глаза! Сьерра заметила, что все вокруг ходили с опущенными глазами

и не решались смотреть на небо. Не удивительно: ведь теперь на нем не было луны. Сьерра не знала точно, страх ли руководил ее собратями или стыд. Вероятно, они сделали что-то ужасное, раз их собственная богиня покинула их.

Впрочем, это не сильно ее волновало. Единственным чувством, которое по-настоящему владело ей в тот момент, была ярость. Сначала, значит, они отняли у нее отца. А теперь и богиня повернулась спиной к ее племени.

Богиню звали Селена. Селена знала, что люди с их оружием и деньгами были сейчас еще могущественнее, чем всегда. Знала и все равно бросила ее племя на произвол судьбы. Она просто ушла. И в результате их племя стало слабее: теперь и исцеления, и обращения давались им нелегко. Все происходило трудно и медленно. Вдобавок они перестали слышать волков! Волки, существа, которые были такой же частью их племени, их истории, их самих, теперь избегали их и хранили молчание.

Больше всех из-за этих изменений пострадали ликантропы — оборотни, рожденные от волков, как и сама Сьерра, мать которой была волчицей. Существа более сильные, чем все остальные, с более грубыми и яркими эмоциями, которые нередко брали над ними верх. Ликантропы редко спаривались друг с другом. Когда они росли в стае, они чувствовали себя братьями. А вот между оборотнем и человеком это вполне могло произойти. Несмотря на то, что племя людей было вражеским племенем, многие мужчины и женщины, которые не приживались у себя в городах и деревнях, оставляли насиженные места, чтобы стать частью стаи, и в конеч-

ном итоге образовывали семьи с оборотнями. Многие из таких семей, правда, быстро распадались. Большинство людей не были приспособлены для такой жизни из-за своей хрупкости.

«А может, стайная жизнь попросту не очень их интересовала», — подумала Сьерра, вспоминая мать своей сестры и тот ущерб, который она им всем нанесла своим исчезновением. Ликантропка так сильно жала кулаки, что ногти впились в ладони. Но через секунду она вспомнила, что нужно делать. Сьерра опустила голову, выпустила из ноздрей обжигающий, как дым от костра, воздух, и заставила себя раскрыть пальцы, уперев ладони в бедра.

Задержала дыхание, досчитала до восьми, своего счастливого числа, и только потом снова сделала вдох и тронулась в путь. Для того чтобы выйти на след сестры, ей не нужно было превращаться в волчицу. Она и так слишком хорошо знала ее запах: мягкий, слегка приторный, как если бы на свежевывстиранное белье капнули капельку меда. Она шла по тропинке среди елей и думала, что наверняка Ветерок опять пошла на ту дальнюю поляну, куда щенкам ход запрещен. Ужасная девчонка! Вечно она хотела казаться старше, чем есть на самом деле. И из-за этого постоянно сталкивалась с миром, который был для нее слишком велик. Сьерре хотелось первой дойти до поляны, чтобы рассмеяться Ветерку в лицо. Но ей не пришлось этого делать, потому что тропа внезапно оборвалась, и Сьерра увидела перед собой огромное старое дерево. Она погладила кончиками пальцев кору: сухую, похожую на старую, в шрамах, кожу. Сморщила нос, прищурилась,